

Оберер

Он был похож на неуклюжего бегемота – рыхлое тело плотно облегал неизменно чёрного цвета костюм, который, казалось, треснет по швам, стоит лишь нечаянно до него дотронуться; большие ручки, никогда не скрещивающиеся на груди из-за полноты; неторопливая размеренная походка – так величаво плывет по бескрайним просторам океана громадный айсберг. Шумно дыша, Юрий Сергеевич ходил по школьным лестницам и коридорам, порой останавливая растопыренной пятерней бегающих школяров: «Ну, куда ж тебя несет малой, отдохни у стеночки...». Попавшийся сорванец послушно прилипал к стенке и ждал, пока не скроется из виду незлобивый Циркуль, как прозвали его юморные ученики, давно окончившие школу и оставившие «в наследство» идущим за ними поколениям множество замечательных уловок, обманок и прозвищ.

Юрий Сергеевич преподавал черчение – предмет проходной для многих из нас ввиду его какой-то устоявшейся несерьезности, как если бы это было пение или физкультура, прогулять которые считалось делом святым и непременным. Но в учебном плане предмет наличествовал и Юрий Сергеевич, смешно обижаясь – он грустнел столь выразительно и заметно, что вызывал улыбку, – тем не менее, вел урок и тогда, когда за партами сидело два-три ученика. Предмет свой он уважал, того же требовал и от других: даже если ученик был катастрофически обделен природной способностью выводить на бумаге точные линии – сдать рисунок на заданную тему он был просто обязан. Никакие отговорки или попытки разжалобить не помогали, и много раз нам доводилось наблюдать картину, постоянностью и предсказуемостью своей смахивающую на причудливый ритуал: Юрий Сергеевич, с пониманием выслушивая очередную «жалостливую историю», сочувственно кивал головой, доставал из кармана пиджака большой носовой платок и вытирал регулярно потевшую лысину. Следующим столь же неспешным движением он убирал платок, доставал из другого кармана расческу и, бережно расправляя почти выпавшую растительность на затылке, говорил:

- Понимаю, деточка, понимаю... Что ж, к следующему уроку принесешь две темы – прежнюю и сегодняшнюю.

Никаких разносов, никаких скандалов с вызовами родителей не случалось. Впрочем, изредка какому-нибудь подростку удавалось вывести Юрия Сергеевича из себя. Реакция учителя напоминала извержение вулкана, но громовые раскаты его голоса столь резко контрастировали с полной беспомощностью в глазах и последующим тягостным, но недолгим молчанием, что мы терялись от этой сокрушительной несовместимости. (И каждый раз, ощущая себя виноватыми, в конце концов, перестали упражняться в трепании учительских нервов, во всяком случае, относительно уроков черчения). Циркуль же, отдышавшись, выходил из класса, и некоторое время прогуливался по длинному безлюдному коридору, а, вернувшись, продолжал вести урок так, словно ничего не произошло...

Моей единственной отдушиной в школе были, как ни странно, именно уроки черчения – предмета, в котором я не понимала ровным счетом ничего, а все мои достижения

сводились к корявому изображению простейших геометрических фигур. Прелести перспективы, как и пространственное мышление, были мне недоступны, непонятны и пугали. Поэтому я с чистой совестью несла Юрию Сергеевичу рисунок, сделанный одноклассницей в обмен на помощь по русскому языку. Внимательно осмотрев его, Юрий Сергеевич по обыкновению шумно вздыхал и говорил, чуть растягивая слова и глядя мне в глаза:

- Ребенок золотой, глазки ясные, ну это же не ты рисовала... Три.

И откладывал лист на край парты. Так повторялось из урока в урок, из месяца в месяц.

Поначалу я обижалась – безупречно сделанные рисунки и вдруг «уд»! Но однажды, уже к концу восьмого класса я, случайно поймав пристальный взгляд Циркуля, наблюдавшего за нами (а мы резались в морской бой, поскольку рисунок был готов), смутилась и, подчиняясь необъяснимому порыву, убрала «свой» лист с изображением очередной втулки в парту. А, услышав свою фамилию, к учителю подошла с пустыми руками. На что Юрий Сергеевич как-то тепло посмотрел на меня, едва заметно улыбнулся и произнес:

- Ребенок золотой, глазки ясные, к следующему уроку принесешь, да?.

В ту минуту от этих его слов на меня вдруг повеяло такой надегой и защитой, что я, молча кивнув в ответ, да, конечно принесу, по-другому и быть не может! - была готова провалиться сквозь землю от стыда за все предыдущие тройки потому, что моими они не были ни на один штришок. Зато потом... Никогда в жизни мне больше не приходилось так гордиться своей, честно говоря, весьма посредственной работой: на нескольких, бывших изначально белоснежными альбомных листах, а к моменту сдачи рисунка вдоль и поперек изъезженных ластиком, почти ровно красовались вазы, втулки в разрезе, трапеции... А под ними, в углу - сочно выведенные простым карандашом крупные «тройки». И не было более ничего памятного и дорогого, нежели слова, неизменно повторявшиеся в конце каждого урока: «Ребенок золотой, глазки ясные...». Я настолько «прикипела» к ним, что невольно прислушивалась к тому, что говорил Юрий Сергеевич другим ученикам... Но нет, этих слов он не произносил больше никому.

В девятом классе в списке изучаемых дисциплин черчения не было. Но Юрия Сергеевича я часто встречала на переменах: как и прежде, шумно дыша, он шагал по коридору с урока или на урок, иногда придерживая своей огромной пятерней несущегося навстречу ему сорванца: «Ну, куда ж тебя несет, малой...». Я останавливалась, смотрела ему вслед и крепко завидовала тем, кто был младше меня, тем, кто со звонком рассаживался за партами в ожидании Циркуля: вот сейчас он войдет в класс и в сотый или тысячный раз начнет рисовать на доске какой-нибудь незамысловатый предмет, попутно давая необходимые пояснения.

Вскоре школа осталась позади, а на память о ней – сделанный по шаблону альбом с фотографиями ребят нашего класса и учителей, доведших нас до выпуска. А в следующем году, душным летом 1987 года Юрий Сергеевич незаметно умер. От незаметности той, а в еще большей мере потому, что узналось поздно, по прошествии значительного времени, плакалось мне особенно горько и неизбывно; так плачется только по самым близким, самым дорогим сердцу людям... И еще, быть может оттого, что как-то сразу пришло ясное

Всероссийский Интернет-проект «Учитель нашей новой школы»

Творческий конкурс «Слово об учителе»

Номинация: «Учитель в моей судьбе»

<http://teacher.edu.yar.ru/words/index.html>

понимание – *ни от кого и никогда* больше не услышу я этих, на первый взгляд, необычных для обычного учителя слов: «ребенок золотой, глазки ясные...»

Как бурная река выбрасывает порой из своей глубины на берег, в нашу обесцвеченную сегодняшними реалиями жизнь дивной красоты самородок, так из глубин моей памяти время от времени всплывают эти простые слова – словно чудесный оберег, великодушно подаренный мне когда-то давным-давно.

Ни за что, просто так...